

**Светлана Георгиевна
ЧУБУКОВА,**

доцент кафедры
информационного права и
цифровых технологий
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
sgchubukova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Институт цифровых посредников в праве¹

Аннотация. В статье сделан вывод, что в современной правовой доктрине и законодательстве Российской Федерации формируется межотраслевой институт цифрового посредника. Правовой статус цифровых посредников определяется, с одной стороны, правами и обязанностями субъектов основного правоотношения, заключение, изменение и прекращение которого происходит посредством информационной системы, а с другой — технологическими возможностями данной системы. Необходимо уточнение правового статуса цифрового посредника и повышение требований к безопасности удаленной идентификации и аутентификации пользователей. Использование технологий больших данных и искусственного интеллекта позволяет реализовать процессы автоматизированного принятия решений с юридическими последствиями для участников соответствующих отношений. Цифровые посредники должны активно информировать субъекта данных о профилировании и автоматизированном принятии решений, в том числе включить конкретные сведения об этом типе обработки в политику конфиденциальности. Использование цифровых технологий для реализации соответствующей услуги несет в себе дополнительные риски, связанные с необходимостью обеспечения информационной безопасности пользователей, что требует организации постоянного внутреннего аудита информационной системы, основанной на эффективной системе мониторинга рисков; разработки специальных стандартов безопасности и установления ответственности за их неисполнение.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровые платформы, цифровые посредники, информационные посредники, идентификация пользователей, аутентификация пользователей, профилирование, автоматизированное принятие решений.

DOI: 10.17803/2311-5998.2022.92.4.158-167

SVETLANA G. CHUBUKOVA,

Associate Professor of the Department
of information law and digital technologies
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
sgchubukova@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Institute of Digital Intermediaries in Law

Abstract. *The article concludes that an intersectoral institute of digital intermediary is being formed in modern legal science and legislation of the Russian Federation. The legal status of digital intermediaries is determined by the rights and obligations of the subjects of the main legal relationship, the conclusion, modification, and termination of which occurs through an information system, and the technological capabilities of this system. It is necessary to increase the security requirements for remote identification and authentication of users. The use of big data and artificial intelligence technologies makes it possible to implement automated decision-making processes with legal consequences for individuals. Digital intermediaries should actively inform the data subject about profiling and automated decision-making, including specific information about this type of processing in the privacy policy. The use of digital technologies carries additional risks associated with the need to ensure the information security of users, which requires: the organization of a permanent internal audit of an information system based on an effective risk monitoring system; the development of special security standards and the establishment of responsibility for their non-compliance.*

Keywords: *digital technologists, digital platforms, digital intermediaries, information intermediaries, user identification, user authentication, profiling, automated decision-making.*

В современном информационном обществе процессы передачи и хранения информации представляют собой сложную технологическую процедуру, обеспечение которой является задачей специальных субъектов информационных отношений. Окинавская Хартия глобального информационного общества, ставя вопрос о необходимости преодоления цифрового неравенства, одной из проблем называет доступ к информационной инфраструктуре, причем инфраструктуре, поддерживаемой иными лицами, не являющимися владельцами информационных ресурсов². Особенно это касается отношений в сети Интернет, которые складываются при обязательном участии таких субъектов, как оператор связи, провайдер хостинга, владелец сайта. Эти субъекты, предоставляющие пользователям свои ресурсы и технологии для хранения и распространения

² Окинавская хартия глобального информационного общества // Дипломатический вестник. 2000. № 8.

информации, получили сегодня в российском гражданском законодательстве обобщенное название «информационный посредник». В правовой теории обосновывается, что информационный посредник является одним из основных субъектов правоотношений в интернет-пространстве³.

В статье 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определены такие участники информационных отношений в сети, как провайдер хостинга, владелец сайта, организатор распространения информации. Само же понятие «информационный посредник» было введено в российское законодательство в 2013 г. в ст. 1253.1 Гражданского кодекса РФ. Это было обусловлено тем, что Интернет становится одной из важнейших сфер использования объектов интеллектуальных прав, что требует приведения гражданско-правовых норм в соответствие с реалиями использования произведений в сети.

В указанной статье перечисляются виды информационных посредников и раскрывается содержание данного понятия. Так, к информационным посредникам относятся лица, которые выполняют хотя бы одно из перечисленных полномочий: осуществляют передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети, в том числе в сети Интернет; предоставляют возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети; предоставляют возможность доступа к материалу в этой сети.

Как видим, законодатель связал определение информационного посредника с реализацией определенной *возможности* для пользователя. Вместе с тем такой подход сразу порождает непонимание и неоднозначность. Создатели программного обеспечения, разработчики информационной инфраструктуры и целый ряд других лиц также итогом своей деятельности определяют создание *возможности* для пользователя получить доступ и разместить информационные материалы в сети, однако очевидно, что информационными посредниками они не являются.

Несколько отличный подход к определению информационного посредника реализован в законодательстве зарубежных стран.

Так, в США в Законе об авторском праве в цифровую эпоху (Digital Millennium Copyright Act)⁴ введено понятие «сервис-провайдер» (service provider) — лицо, оказывающее интерактивные *услуги*, предоставляющее доступ к сети, а также являющееся оператором оборудования, используемого для данных целей.

В Евросоюзе правовой статус информационных посредников закреплен в Директиве ЕС № 2000/31/ЕС о некоторых правовых аспектах услуг информационного общества, в частности электронной коммерции, на внутреннем рынке (Директива об электронной коммерции)⁵. В Директиве вводится понятие

³ Войничанис Е. А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости. М. : Юриспруденция, 2016. С. 288 ; Калятин В. О. Право в сфере Интернета. М. : Норма, 2004. С. 193.

⁴ Digital Millennium Copyright Act // URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/plaw-105publ304/pdf/plaw-105publ304.pdf>: (дата обращения: 25.03.2022).

⁵ Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal

провайдера сервиса информационного общества (information society service). Под сервисом информационного общества понимается любая *услуга*, которая обычно предоставляется за вознаграждение, дистанционно, с использованием электронных средств обработки и хранения данных, по индивидуальному запросу получателя услуг.

Таким образом, подход к определению информационного посредника в зарубежном законодательстве основан на понятии *услуги*. Несмотря на то, что дискуссии о сущности услуг в гражданско-правовой доктрине ведутся с 70-х гг. XX в.⁶, однако до сих пор отсутствует единое как легальное, так и доктринальное понятие услуги. Вместе с тем очевидно, что *предоставление возможности и услуга* — понятия, не идентичные по содержанию.

Впервые легальное определение услуги было приведено в п. 5 ст. 38 НК РФ, где услугой для целей налогообложения признается деятельность, результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе осуществления этой деятельности. Таким образом, законодатель с позиции налогообложения к услугам относит только деятельность, результат которой нельзя отделить от самого процесса ее оказания.

Можно сделать вывод, что информационная услуга является деятельностью, т.е. совокупностью целенаправленных действий, направленных на достижение определенной цели — удовлетворение определенной информационной потребности получателя услуги.

Российский подход к определению информационного посредника как субъекта гражданско-правовых отношений, не связанный напрямую с оказанием информационной услуги, позволяет слишком широко толковать данное понятие и рассматривать в качестве таких субъектов значительный круг лиц. Это также приводит к тому, что правоприменительная практика не отличается единством. Суды признают информационными посредниками администратора социальной сети⁷, регистратора доменных имен⁸, администратора сети доставки контента⁹,

Market // Official Journal of the European Communities. 2000. L 178/1 (17.7.2000). URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32000L0031&from=EN>: (дата обращения: 25.03.2022).

⁶ *Баринов Н. А.* Услуги: социально-правовой аспект : монография. Саратов, 2001. С. 17 ; *Ситдикова Л. Б.* Теоретические и практические проблемы правового регулирования информационных и консультационных услуг в гражданском праве России : монография. М. : Юрист, 2008. С. 16.

⁷ Решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербург от 14.11.2013 по делу № А56-42539/2013 // URL: http://kad.arbitr.ru/pdfdocument/e7cc7add-7963-459b-83ac-3c115d37b3d5/a56-42539-2013_20131114_reshenie.pdf (дата обращения: 25.03.2022).

⁸ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 09.12.2015 по делу № а40-52455/2015 // URL: http://kad.arbitr.ru/pdfdocument/ef8b3f21-fbab-44fa-8004-dc939524408c/a40-1849-2013_20140211_reshenija%20i%20postanovlenija.pdf (дата обращения: 25.03.2022).

⁹ Решение Московского городского суда от 19.09.2014 по делу № 3-199/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

администратора сайта, предоставляющего возможность воспроизведения видеоматериалов¹⁰.

Дальнейшее развитие технологий в сторону использования открытых интерфейсов (Open API) привело к формированию трехсторонних бизнес-моделей на основе онлайн-платформ (например, Amazon, Airbnb, Uber)¹¹ и расширению содержания понятия информационного посредника. Потребители товаров и услуг, использующие данные онлайн-платформы, должны заключать соглашение не только между собой, но и с оператором платформы, обеспечивающей доступ к открытым интерфейсам других производителей.

Сегодня в научной литературе не существует единого мнения по поводу содержания таких сложных междисциплинарных понятий, как «платформа» и «платформенное решение», и здесь можно выделить два основных подхода.

В рамках первого подхода цифровая платформа рассматривается как социально-экономическая система (структура): предприятие, система взаимоотношений, бизнес-модель, группа субъектов, корпорация, открытая среда, экосистема¹².

В рамках второго подхода, реализованного в законодательстве, цифровая платформа — это информационно-технологическая система (структура): информационная система, онлайн-сервис, набор программных и аппаратных средств, программная среда. Платформа рассматривается как информационная система в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, используемая для заключения с помощью информационных технологий и технических средств этой информационной системы договоров с пользователями, доступ к которой предоставляется оператором платформы.

Так в Федеральном законе «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹³ в этом контексте введено понятие инвестиционной платформы, в Законе РФ «О занятости населения в Российской Федерации»¹⁴ — понятие Единой цифровой платформы в сфере занятости и трудовых отношений.

По своей функциональной направленности выделяют: платежно-расчетные платформы, осуществляющие финансовые операции и денежные расчеты (Alibaba, PayPal, eBay); информационно-интеграционные платформы,

¹⁰ Решение Московского городского суда от 15.07.2014 по делу № 3-110/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ European Law Institute // URL: <https://www.europeanlawinstitute.eu/projects-publications/current-projects-feasibility-studies-and-other-activities/current-projects/online-platforms/> (дата обращения: 25.03.2022).

¹² Концепция государственного регулирования цифровых платформ и экосистем / Министерство экономического развития Российской Федерации // URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d31/koncepciya_gos_regulirovaniya_cifrovyh_platform_i_ekosistem/ (дата обращения: 25.03.2022).

¹³ Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

¹⁴ Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1915.

осуществляющие предоставление IT-услуг в цифровом формате (Google, AppStore, Uber, Yandex); инвестиционные платформы, осуществляющие инвестиционные проекты (SoftBank, Booking Holding Inc.); инновационные платформы, осуществляющие развитие техники и технологии (Oracle, SAP, Microsoft); цифровые платформы для оказания телемедицинских услуг (Яндекс.Здоровье, DocDoc, DOC+, Medved.Telemed, Qapsula, Робомед, Medesk); обучающие платформы (YouTube, Coursera); социальные платформы (сети) (Facebook, Instagram, VK). Функциональные возможности указанных сервисов могут существенно различаться.

В круг традиционных субъектов — обладатель информации, владелец информационного сервиса, пользователь — вводятся новые лица, призванные обеспечить функционирование информационной инфраструктуры, к которым относятся операторы цифровых платформ: оператор инвестиционной платформы¹⁵, оператор финансовой платформы¹⁶, оператор информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператор обмена цифровых финансовых активов¹⁷.

В рамках цифровых платформ складывается система, в которой регулятором выступает не только государство в лице уполномоченных органов, но и операторы платформ, обладающие правом на применение механизма предоставления, ограничения или полного прекращения доступа к ресурсу для каждого отдельного пользователя либо группы лиц с целью контроля над взаимодействием пользователей, причем как с платформами, так и между собой¹⁸.

Так, в информационном праве понятие цифрового посредника связано с реализацией права на информацию и включает в себя целый ряд лиц, которые являются промежуточным звеном между обладателем информации и пользователем — провайдеры доступа и хостинга, операторы информационной системы, оператор поисковой системы, организаторы распространения информации в сети Интернет и др.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что в современной правовой доктрине¹⁹ и законодательстве Российской Федерации формируется межотраслевой институт цифрового посредника, который будет наполняться новым содержанием с развитием технологий.

¹⁵ Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ См., например: *Radin M. J., Wagner R. P. The Myth of Private Ordering: Rediscovering Legal Realism in Cyberspace // Chicago-Kent Law Review. 1999. Vol. 73. P. 1307*; *Алмухов А. В., Кашкин С. Ю. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 7. С. 86—94.*

¹⁹ *Чубукова С. Г. Цифровая трансформация системы субъектов информационного права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12 (64). С. 74—81.*

Правовой статус цифровых посредников определяется, с одной стороны, правами и обязанностями субъектов основного правоотношения, заключение, изменение, и прекращение которого происходит посредством информационной системы (платформы, сервиса), а, с другой — технологическими возможностями данной системы.

Одна из основных обязанностей цифрового посредника связана с необходимостью идентификации и аутентификации пользователей. Анонимность в киберпространстве существенно затрудняет процесс применения права. Пользователь способен осуществлять свою информационную деятельность из любой точки мира, отправляя и получая любую информацию. Источник происхождения сообщения может быть скрытым или закодированным. Пользователь Интернета может создать киберличность или образ, совершенно не соответствующий его реальной или физической идентичности. Все сказанное приводит некоторых исследователей к мысли о возможности использования киберпространства для создания оплотов и целых территорий, позволяющих избегать законной ответственности²⁰. В научной литературе большое внимание уделено существующим правовым проблемам идентификации субъектов государственных и негосударственных информационных систем, а также пользователей сети Интернет²¹.

Вопросы идентификации и аутентификации пользователей сегодня решены в случае обязательного использования Единой системы идентификации и аутентификации и Единой информационной системы биометрических персональных данных. Вместе с тем для большинства видов коммерческой деятельности вопрос усиленной идентификации пользователей остается законодательно не решенным.

Актуальными сегодня являются вопросы юридической ответственности оператора цифровой платформы. Юридическая ответственность должна быть установлена за незаконное использование и доступ к средствам и инфраструктуре идентификации, за предоставление недостоверных сведений для идентификации, за нарушение договора идентификации и предоставление недостоверных результатов идентификации, за нарушение требований конфиденциальности в отношении сведений, составляющих тайну идентификации, за противоправное использование сведений, входящих в цифровой профиль физического лица, а также за нарушение требований самоидентификации устройств и решений на основании технологий искусственного интеллекта²².

Использование цифровых технологий для реализации соответствующей услуги несет в себе дополнительные риски, связанные с необходимостью обеспечения информационной безопасности пользователей, что требует разработки специальных стандартов безопасности и ответственности за их неисполнение.

²⁰ *Йирка К. А.* Компьютерные технологии на службе у правового государства: средства связи и исследования : пер. с англ. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2000. С. 5.

²¹ *Наумов В. Б., Полякова Т. А.* Правовые проблемы идентификации субъектов в государственных и негосударственных системах в России // Вестник Академии права и управления. 2016. № 43. С. 14—21.

²² *Наумов В. Б.* Институт идентификации в информационном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 19.

Требования к информационным системам персональных данных утверждены постановлением Правительства РФ от 01.11.2012 № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных»²³ и включают обязательность размещения серверов на территории Российской Федерации, использование сертифицированных криптографических средств защиты информации и целый ряд организационных мер по хранению электронных документов и протоколированию действий по доступу к информации в системе и операциям с ней.

Вместе с тем необходимость обеспечения конфиденциальности персональных данных пользователей поднимает проблему псевдонимизации обрабатываемых цифровыми платформами данных пользователей с привлечением доверенной третьей стороны. Псевдонимизация данных предполагает использование такого идентификатора лица, по которому нельзя установить его личность без использования дополнительной информации, хранящейся у доверенного лица²⁴. Кто для цифрового посредника может выступать в качестве такого доверенного лица, каким критериям он должен удовлетворять сегодня, в законодательстве в большинстве случаев не определено.

Современные цифровые технологии в рамках цифровых платформ реализуют процессы автоматизированного принятия решений. Законодательство многих зарубежных стран устанавливает очень строгие требования в отношении систем, которые принимают автоматизированные решения, с правовыми или аналогичными значимыми последствиями для физических лиц.

Так, Европейский совет по защите данных (European Data Protection Board, EDPB) и независимый орган Великобритании, созданный для защиты прав на информацию в общественных интересах и содействия открытости государственных органов и конфиденциальности данных для физических лиц (Information Commissioner's Office, ICO) опубликовали руководящие документы, касающиеся автоматизированного принятия решений (Automated Decision-Making, ADM)²⁵. Согласно этим документам лицо, использующее технологии автоматизированного принятия решений в рамках оказания услуг, должно активно информировать субъекта данных о профилировании и автоматизированном принятии решений, в том числе включить конкретные сведения об этом типе обработки в политику конфиденциальности; выполнить оценку рисков и обеспечить соответствующую защиту данных; реализовать механизм независимого мониторинга.

²³ Постановление Правительства РФ от 01.11.2012 № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» // СЗ РФ. 2012. № 45. Ст. 6257.

²⁴ Столбов А. П. О стандартизации методов псевдонимизации персональных данных в здравоохранении // Проблемы стандартизации в здравоохранении. 2017. № 9—10. С. 25—36.

²⁵ Guidelines on automated individual decision-making and profiling // URL: http://ec.europa.eu/newsroom/document.cfm?doc_id=47742 ; GDPR — Automated individual decision-making, including profiling. Art. 22 // URL: <https://gdpr.eu/article-22-automated-individual-decision-making/> (дата обращения: 25.03.2022).

Добровольное информированное согласие на получение услуги в первую очередь должно реализовывать принцип осмысленного участия лиц в отношениях с использованием современных цифровых технологий. Данный принцип подразумевает не только информирование лиц о видах применяемых технологий, но и понимание ими тех рисков в части их прав и свобод, к которым использование конкретных технологий может привести. Это становится важным еще и потому, что сегодня технологии искусственного интеллекта становятся неотъемлемой частью систем принятия решений.

В российском законодательстве о персональных данных²⁶ нет полной ясности и в вопросе получения содержания информированного добровольного согласия пользователей на обработку персональных данных при принятии в отношении него автоматизированного решения. Остается открытым вопрос, какова роль цифрового посредника в получении и хранении указанного документа.

Очевидно, что цифровые посредники должны активно информировать субъекта данных о профилировании и автоматизированном принятии решений, в том числе включить конкретные сведения об этом типе обработки в политику конфиденциальности, выполнить оценку рисков и обеспечить соответствующую защиту данных, реализовать механизмы независимого мониторинга.

Таким образом, можно сделать вывод, что в современной правовой доктрине и законодательстве Российской Федерации формируется межотраслевой институт цифрового посредника.

Правовой статус цифровых посредников определяется, с одной стороны, правами и обязанностями субъектов основного правоотношения, заключение, изменение и прекращение которого происходит посредством информационной системы, а с другой — технологическими возможностями данной системы.

Проведенный анализ показал необходимость дальнейшего уточнения правового статуса цифрового посредника и повышения требований к безопасности удаленной идентификации и аутентификации пользователей.

Развитие информационных технологий, использование технологий больших данных и искусственного интеллекта позволяет реализовать процессы автоматизированного принятия решений с юридическими последствиями для участников соответствующих отношений. Цифровые посредники должны активно информировать субъекта данных о профилировании и автоматизированном принятии решений, в том числе включить конкретные сведения об этом типе обработки в политику конфиденциальности.

Использование цифровых технологий для реализации соответствующей услуги несет в себе дополнительные риски, связанные с необходимостью обеспечения информационной безопасности пользователей, что требует организации постоянного внутреннего аудита информационной системы, основанной на эффективной системе мониторинга рисков; разработки специальных стандартов безопасности и установления ответственности за их неисполнение.

²⁶ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алтухов А. В., Кашкин С. Ю. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — № 7. — С. 86—94.
2. Баринов Н. А. Услуги: социально-правовой аспект : монография. — Саратов, 2001. — 192 с.
3. Войниканис Е. А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости. — М. : Юриспруденция, 2016. — 552 с.
4. Йирка К. А. Компьютерные технологии на службе у правового государства: средства связи и исследования : пер. с англ. — Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2000. — 26 с.
5. Калятин В. О. Право в сфере Интернета. — М. : Норма, 2004. — 479 с.
6. Наумов В. Б., Полякова Т. А. Правовые проблемы идентификации субъектов в государственных и негосударственных системах в России // Вестник Академии права и управления. — 2016. — № 43. — С. 14—21.
7. Наумов В. Б. Институт идентификации в информационном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2021. — 455 с.
8. Ситдикова Л. Б. Теоретические и практические проблемы правового регулирования информационных и консультационных услуг в гражданском праве России : монография. — М. : Юрист, 2008. — 344 с.
9. Столбов А. П. О стандартизации методов псевдонимизации персональных данных в здравоохранении // Проблемы стандартизации в здравоохранении. — 2017. — № 9—10. — С. 25—36.
10. Чубукова С. Г. Цифровая трансформация системы субъектов информационного права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 12 (64). — С. 74—81.
11. Radin M. J., Wagner R. P. The Myth of Private Ordering: Rediscovering Legal Realism in Cyberspace // Chicago-Kent Law Review. — 1999. — Vol. 73. — P. 1295—1317.